Излом времени

Автор:
Мадлен Л`Энгл

Излом времени

Мадлен Л`Энгл

Квинтет времени #1

Мег Мёрри не девочка, а сплошное недоразумение. На носу – очки, волосы торчат как попало. Учится она плохо (а ведь родители у нее – знаменитые ученые!), да еще с мальчишками дерется. Ее младший брат Чарльз Уоллес – похоже, что юный гений (ну, правда, немного странноватый). А отец Мег и Чарльза Уоллеса – тот и вовсе давно исчез в неизвестном направлении (якобы у него какая-то секретная работа). В общем, странная семейка эти Мёрри, с какой стороны ни посмотри. И вот однажды на пороге их дома появляется чудаковатая старушка по имени миссис Что. И от нее Мег, Чарльз Уоллес и их новый друг Кальвин узнают про какой-то загадочный излом времени, с помощью которого можно разыскать папу…

Книга «Излом времени» увидела свет в 1962 году и сразу стала классикой детской литературы, а ее автор, Мадлен Л’Энгл, была удостоена престижной медали Ньюбери. Это и сказка, и притча, и фантастика, и фэнтези; ее часто упоминают рядом с произведениями Клайва Стейплза Льюиса, автора прославленных «Хроник Нарнии». Эта книга – лишь первая в цикле о приключениях Мег, Чарльза Уоллеса и Кальвина, и впервые цикл целиком переводится на русский язык. А весной 2018 года на экраны всего мира выходит фильм «Излом времени», снятый студией «Дисней».

Мадлен Л`Энгл

Излом времени

Madeleine L’Engle

A WRINKLE IN TIME

© А. Хромова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Чарльзу Уодсворту Кэмпу и Уоллесу Коллину Франклину

Глава первая. Миссис Что

Ночь была темная и ненастная.

Маргарет Мёрри сидела у себя в мансарде, завернувшись в старое лоскутное одеяло и притулившись в ногах кровати, и смотрела, как за окном яростные порывы ветра раскачивают макушки деревьев. Выше деревьев мчались по небу рваные тучи. Из-за туч то и дело выглядывала луна, и тогда на землю падали призрачные тени.

Дом дрожал.

Дрожала и Мег, кутаясь в одеяло.

Обычно Мег не боялась грозы. «Дело-то не в грозе, – подумала она. – Просто все вот это, а тут еще и гроза. Только грозы мне и не хватало!» Как будто мало того, что Мег Мёрри все делает не так.

Школа. В школе все было не так. Мег очутилась среди последних учеников в своем классе. Утром одна учительница сердито сказала: «Нет, Мег, я решительно не понимаю, как дочь таких блестящих родителей может так плохо заниматься! Если не подтянешься, придется оставить тебя на второй год».

На обеде она немного поваляла дурака, чтобы хоть как-то прийти в себя, и одна из девчонок презрительно бросила: «Послушай, Мег, мы же не первоклашки какие-нибудь! Почему ты все время ведешь себя как маленькая?»

А по дороге домой, когда она шла по улице с охапкой учебников, один из мальчишек что-то сказал насчет ее «безмозглого братца». Ну, Мег швырнула книжки на обочину и врезала ему от всей души. В результате домой она вернулась в порванной кофточке и со здоровенным фингалом под глазом.

Сэнди и Деннис, ее десятилетние братья-близнецы, возвратившиеся домой часом раньше, были возмущены. «Если уж надо драться, предоставь это нам!» – заявили они.

«Я просто хулиганка, вот и все, – с горечью думала Мег. – Так все и будут говорить. Мама нет, а они да. Все остальные. Эх, вот бы папа…»

Но думать о папе было невозможно: того и гляди разревешься. Это только мама могла говорить о нем как ни в чем не бывало: «Вот вернется папа…»

Откуда вернется-то? И когда? Как будто мама не знает, что говорят люди. Уж конечно, до нее доходили все эти мерзкие лицемерные сплетни. И уж конечно, ее они ранили так же больно, как и Мег. Но мама и виду не подавала. Она оставалась безмятежной и невозмутимой.

«Ну вот почему я не могу это скрывать, как она? – думала Мег. – Зачем у меня всегда все наружу?»

Оконное стекло бешено задребезжало на ветру. Девочка поплотнее закуталась в одеяло. Свернувшийся на подушке серый пушистый котенок широко зевнул, высунув розовый язычок, снова накрыл нос лапкой и уснул.

Все спят. Только Мег не спится. Даже Чарльз Уоллес, ее «безмозглый братец», который каким-то сверхъестественным образом чуял, когда Мег не спится и не по себе, и который не раз пробирался по ночам на цыпочках к ней в мансарду, – даже Чарльз Уоллес и тот спит.

Вот как они могут спать? По радио весь день передавали штормовое предупреждение. Как они могли бросить ее одну в мансарде, на скрипучей латунной кровати, когда с дома того и гляди сдует крышу и Мег унесет ночным ураганом невесть куда?

Она уже не просто дрожала – ее трясло.

«Ты же сама захотела жить в мансарде! – сердито напомнила себе Мег. – И мама тебе разрешила, потому что ты старшая! Это привилегия, а не наказание!»

– Во время урагана это никакая не привилегия! – ответила она вслух.

Девочка сбросила с себя одеяло в ноги кровати и встала. Котенок сладко потянулся и уставился на нее круглыми невинными глазами.

– Спи, спи, – сказала ему Мег. – Радуйся, что ты котенок, а не чудовище какое-нибудь вроде меня.

Она посмотрелась в зеркало на дверце шкафа и скорчила жуткую рожу, оскалив зубы со скобками. Машинально поправила очки, запустила пятерню в невнятно-русые волосы, так что они встали торчком, и шумно вздохнула, почти заглушив вой ветра.

Широкие деревянные половицы холодили босые ноги. В щели окон, несмотря на двойные рамы, задувал ветер. Тот же ветер выл в дымоходах. Даже отсюда, из мансарды, Мег услышала, как залаял их большой черный пес Фортинбрас. Ему, наверно, тоже страшно. На кого он лает? Фортинбрас попусту не гавкает…

Мег вдруг вспомнила, что, когда она ходила на почту за письмами, люди говорили о каком-то бродяге, который, по слухам, украл двенадцать простыней у миссис Банкомб, жены констебля. Бродягу так и не поймали. А вдруг он прямо сейчас подбирается к дому Мёрри? Живут они на отшибе, в тупике… А вдруг на этот раз ему нужны не только простыни? Тогда, на почте, Мег не обратила особого внимания на всю эту болтовню насчет бродяги, потому что почтальонша с медовой улыбочкой спросила, не слышно ли чего от папы.

Мег вышла из своей комнатушки и принялась на ощупь пробираться по чердаку, наткнувшись по пути на стол для пинг-понга. «Ну вот, теперь ко всему прочему еще и на ноге синяк будет!» – подумала она.

Вслед за этим Мег наткнулась на свой старый кукольный домик, лошадку-качалку Чарльза Уоллеса и железную дорогу близнецов.

– Ну почему все это случается именно со мной? – осведомилась Мег у большого плюшевого мишки.

Спустившись с чердака, она застыла и прислушалась. Из комнаты Чарльза Уоллеса, справа, не доносилось ни звука. Слева, из комнаты родителей, где мама спала одна в просторной двуспальной кровати, тоже ни шороха. Мег на цыпочках прокралась по коридору и очутилась в комнате близнецов. Поправила очки, как будто от этого в темноте будет лучше видно. Деннис храпел. Сэнди пробормотал что-то насчет бейсбола и затих. Хорошо близнецам, у них-то проблем не бывает! Отличниками они не были, но и двоечниками тоже. Их вполне устраивали сплошные четверки с немногими затесавшимися пятерками или тройками. Крепкие и быстроногие, они были хорошими спортсменами, и если кто-то позволял себе отпускать язвительные замечания насчет семьи Мёрри, то не в присутствии Сэнди с Деннисом.

Мег миновала комнату близнецов и спустилась вниз, перешагнув скрипучую седьмую ступеньку. Фортинбрас замолчал. Значит, это не бродяга. Если бы поблизости кто-то был, Форт гавкал бы не умолкая…

Ну а вдруг бродяга все же там? А вдруг у него нож? Поблизости никто не живет, случись что – не докричишься, хоть тресни. И вообще, всем будет все равно…

«Сварю-ка я себе какао, – решила Мег. – Это меня подбодрит, а если у дома сорвет крышу, то, по крайней мере, я с нею не улечу».

На кухне уже горел свет, Чарльз Уоллес сидел за столом, пил молоко и ел бутерброд с джемом. Здесь, на просторной старомодной кухне, он выглядел совсем маленьким и беззащитным: белокурый малыш в бледно-голубой пижамке, с ногами, дюймов на шесть[1 - Дюйм – примерно 2,5 сантиметра, то есть ноги Чарльза Уоллеса не доставали до пола сантиметров пятнадцать. (Примеч. ред.)] не достающими до пола.

– Привет! – жизнерадостно сказал он. – А я тебя ждал.

Фортинбрас, который лежал под столом, под ногами у Чарльза Уоллеса, в надежде на корочку-другую, поднял узкую черную голову и замолотил хвостом по полу, приветствуя Мег. Фортинбрас приблудился к их дому однажды зимой, щенком-подростком, тощим и заброшенным. По словам папы, он был наполовину сеттер, наполовину грейхаунд и обладал неповторимой, мрачноватой изящной красотой.

– А что же ты в мансарду не пришел? – упрекнула Мег, как будто брат был ей как минимум ровесником. – Мне знаешь как страшно было?

– У тебя там, в мансарде, слишком уж ветрено, – ответил малыш. – А я знал, что ты спустишься. Я вон тебе молоко греться поставил. Наверно, оно уже горячее.

Ну откуда Чарльз Уоллес все про нее знает наперед? Как ему это удается? Вот про Денниса с Сэнди он никогда не знает, что они думают, – или ему это неинтересно. А мамины мысли и мысли Мег он угадывает с пугающей точностью.

Может быть, люди его просто побаиваются? Может, они поэтому шепчутся про младшего ребенка Мёрри и поговаривают, будто у него не все дома? «Говорят, у шибко умных часто детишки рождаются ненормальные, – как-то раз мельком услышала Мег. – Парнишки-то у них хорошие, дети как дети, а вот девчонка эта страшненькая и малец точно не от мира сего».

Ну да, правда: при посторонних Чарльз Уоллес почти все время молчал – многие и думали, что он говорить не умеет. Он и в самом деле заговорил, только когда ему было почти четыре. Но Мег аж бледнела от ярости, когда люди смотрели на

него и этак цокали языком, грустно качая головой.

– Да не переживай ты из-за Чарльза Уоллеса, Мег, – сказал ей как-то раз папа. Мег это очень хорошо запомнила, потому что это случилось незадолго до того, как папа пропал. – С головой у него полный порядок. Просто он все делает по-своему и в свое время.

– Но я не хочу, чтобы он вырос тупицей, как я! – сказала Мег.

– Но ведь ты же не тупица, радость моя, – ответил папа. – Ты как Чарльз Уоллес. Твое развитие идет своим чередом. Просто не так, как у большинства.

– А ты-то откуда знаешь? – осведомилась Мег. – Откуда ты знаешь, что я не тупая? Ты меня просто любишь, вот и все.

– Да, я тебя люблю, но знаю я не поэтому. Мы же с мамой устраивали тебе тесты, понимаешь?

Да, это правда. Мег сознавала, что многие «игры», в которые играли с нею родители, на самом деле были чем-то вроде тестов и что с нею и Чарльзом Уоллесом в такие игры играли чаще, чем с близнецами.

– В смысле на ай-кью?

– И на него тоже.

– И что, ай-кью у меня в порядке?

– Более чем в порядке.

– А сколько?

– Этого я тебе не скажу. Но я абсолютно уверен, что вы с Чарльзом Уоллесом, когда вырастете, будете способны практически на все, что угодно. Вот погоди, Чарльз Уоллес начнет говорить – увидишь.

И папа оказался совершенно прав. Хотя сам он исчез до того, как Чарльз Уоллес заговорил – заговорил внезапно, без всякого младенческого лепета, сразу целыми фразами. Как гордился бы им папа!

– Ты бы проверила, как там молоко, – сказал Чарльз Уоллес. Слова он выговаривал куда чище и четче, чем большинство пятилетних детей. – Ты же сама терпеть не можешь, когда на молоке пенка.

– Что-то многовато ты молока налил, – заметила Мег, заглянув в кастрюльку.

Чарльз Уоллес невозмутимо кивнул:

– Я подумал, что мама тоже захочет.

– Чего я захочу? – послышалось от дверей. Там стояла мама.

– Какао, – ответил Чарльз Уоллес. – А бутерброд с ливерной колбасой и сливочным сыром хочешь? Я тебе с удовольствием сделаю.

– Было бы здорово, – сказала миссис Мёрри, – но я и сама могу сделать, если ты занят.

– Да что ты, мне несложно!

Чарльз Уоллес сполз со стула и засеменил к холодильнику. Его ноги в пижамных штанишках ступали беззвучно, как у котенка.

– А ты, Мег? – спросил он. – Как насчет бутерброда?

– С удовольствием, – сказала она. – Только без колбасы. Помидорчиков нету?

Чарльз Уоллес заглянул в ящик для овощей:

– Есть один. Мама, можно, я его изведу в пользу Мег?

– Это будет большая польза! – улыбнулась миссис Мёрри. – Только говори потише, ладно, Чарльз? Если, конечно, не хочешь, чтобы сюда спустились близнецы.

– Нет уж, у нас тут приватное общество, – ответил Чарльз Уоллес. – Это я новое слово выучил – «приватный». Впечатляюще, правда?

– Феноменально! – сказала миссис Мёрри. – Мег, поди-ка сюда, дай взглянуть на твой синяк.

Мег опустилась на колени у ног матери. На кухне было тепло и светло, и все ее чердачные страхи рассеялись. В кастрюльке булькало ароматное какао; на подоконниках цвели герани; в центре стола красовался букет мелких желтых хризантемок. Занавески, красные, с сине-зеленым геометрическим узором, были задернуты и отбрасывали жизнерадостные отсветы на всю кухню. Печка урчала, как большой спящий зверь, лампы горели ровным светом; снаружи, за стенами, все так же ярился одинокий ветер, но его злобная сила, что так пугала Мег, пока девочка сидела одна в мансарде, в привычной уютной кухне казалась уже не такой страшной. Фортинбрас завалился под стул миссис Мёрри и блаженно вздохнул.

Миссис Мёрри бережно коснулась разбитой скулы Мег. Та подняла глаза на мать, отчасти с любовью и обожанием, отчасти – с угрюмой завистью. Нелегко жить, когда твоя мама мало того что ученый, так еще и красавица вдобавок. Огненно-рыжие волосы миссис Мёрри, сливочно-белая кожа и фиалковые глаза с длинными черными ресницами смотрелись еще выразительнее по сравнению с вопиющей заурядностью Мег. Пока она ходила с аккуратно заплетенными косичками, волосы ее смотрелись еще ничего. Но когда перешла в старшую школу, то подстриглась. Теперь они с мамой все пытались как-то их приструнить. Но с одной стороны головы они вились, а с другой оставались прямыми, так что теперь Мег выглядела еще зауряднее, чем раньше.

– Ты не знаешь, что такое сдержанность, да, радость моя? – сказала миссис Мёрри. – Интересно, познакомишься ли ты когда-нибудь с золотой серединой? Какой жуткий синяк поставил тебе этот Хендерсон! Кстати, вскоре после того, как ты ушла спать, звонила его мать и жаловалась, что ты, мол, его избила. Я ей сказала, что поскольку он на год старше и минимум на двадцать пять фунтов[2 - 1 фунт – примерно 450 граммов, то есть мальчик был тяжелее примерно на 11 килограммов. (Примеч. ред.)] тяжелее, то это мне следует жаловаться, а не ей.

Но она, похоже, считает, что это ты во всем виновата.

– По-моему, зависит от того, с какой стороны посмотреть, – ответила Мег. – Обычно люди во всем винят меня, что бы ни случилось, даже если я вообще ни при чем. Но тут я действительно полезла в драку первой, прости. Понимаешь, неделя выдалась ужасная. И меня терзают дурные предчувствия.

Миссис Мёрри погладила лохматую голову Мег:

– А почему, не знаешь?

– Меня так злит, что я чудачка! – сказала Мег. – И Сэнди с Деннисом от этого тоже тяжело. Я даже не знаю, правда ли они такие, как все, или просто ловко прикидываются. Я тоже стараюсь прикидываться, но ничего не выходит.

– Ты слишком прямолинейна, чтобы прикидываться не тем, кто ты есть, – сказала миссис Мёрри. – Мне очень жаль, Мегги. Может быть, если бы папа был дома, он сумел бы тебе помочь, но я, боюсь, ничего сделать пока не смогу. Придется тебе еще немного потерпеть. Со временем станет полегче. Но пока что это не особо утешает, да?

– Может быть, если бы я была не такая страшная… если бы я была хорошенькая, вот как ты…

– Мама не «хорошенькая», мама у нас красавица! – заявил Чарльз Уоллес, нарезая колбасу. – Поэтому могу поручиться, что в твоем возрасте она выглядела ужасно.

– Ты прав, как никогда, – сказала миссис Мёрри. – Просто дай себе время, Мег.

– Мама, тебе салат в сэндвич класть? – спросил Чарльз Уоллес.

– Нет, спасибо.

Он нарезал сэндвич на кусочки, положил на тарелку и поставил тарелку перед матерью:

– Твой сейчас будет готов, Мег. Наверно, надо будет поговорить насчет тебя с миссис Что.

– Кто такая миссис Что? – спросила Мег.

– Пожалуй, это пока что приватная информация, – сказал Чарльз Уоллес. – Луковой солью посыпать?

– Давай.

– А как миссис Что зовут на самом деле? – спросила миссис Мёрри.

– Так и зовут, – ответил Чарльз Уоллес. – Знаешь такой старый дом под рубероидной крышей в чаще леса, куда еще дети не ходят, потому что говорят, будто там водятся привидения? Вот там-то они и живут.

– Кто – «они»?

– Миссис Что и две ее подруги. Я пару дней назад пошел гулять с Фортинбрасом – вы с близнецами были в школе, Мег. Мы с ним любим гулять по лесу. А тут вдруг он погнался за белкой, а я за ним, и мы очутились у дома с привидениями. Так что я с ними случайно познакомился, если можно так выразиться.

– Но там же никто не живет, – сказала Мег.

– Там живет миссис Что с подругами. Очень приятные дамы.

– Почему же ты мне раньше не рассказал? – спросила миссис Мёрри. – И, Чарльз, ты же знаешь, что тебе нельзя без спросу уходить с нашего участка.

– Знаю, – сказал Чарльз. – Это одна из причин, почему я тебе ничего не сказал. Я просто взял и побежал за Фортинбрасом, не раздумывая. А потом решил: приберегу-ка я их на крайний случай, так сказать.

Новый порыв ветра налетел на дом с такой силой, что стены содрогнулись, и внезапно в окна забарабанил дождь.

– Не нравится мне этот ветер, – нервно заметила Мег.

– Ну да, рубероид с крыши может посрывать, – сказала миссис Мёрри. – Но этот дом две сотни лет простоял, Мег. Думаю, и еще постоит. Тут, на горе?, постоянно сильные ветра.

– Но это же ураган! – заныла Мег. – По радио все время говорили, что это ураган!

– Октябрь на дворе, – сказала ей миссис Мёрри. – Первый раз, что ли, в октябре буря?

Когда Чарльз Уоллес протянул Мег ее сэндвич, Фортинбрас выбрался из-под стола. Пес тихо зарычал, черная шерсть у него на хребте медленно встала дыбом. Мег почувствовала, как у нее и у самой по спине поползли мурашки.

– Что такое? – с тревогой спросила она.

Фортинбрас уставился на дверь в лабораторию миссис Мёрри. Лаборатория находилась в старой каменной маслобойне, которая примыкала к кухне. За лабораторией была кладовая, а в кладовой имелась дверь на улицу, хотя миссис Мёрри сделала все, чтобы приучить семейство ходить через гараж или через парадный вход, а ни в коем случае не через лабораторию. Однако Фортинбрас рычал именно на дверь лаборатории, а не на дверь гаража.

– Мама, ты никаких вонючих химикалий на бунзеновской горелке не оставляла? – спросил Чарльз Уоллес.

Миссис Мёрри встала:

– Нет. Но я, пожалуй, схожу посмотрю, что так встревожило Форта.

– Это тот бродяга. Я знаю, это тот бродяга! – нервно сказала Мег.

– Какой еще бродяга? – спросил Чарльз Уоллес.

– На почте сегодня говорили, какой-то бродяга у миссис Банкомб все простыни стащил.

– Ой, ну тогда нам надо срочно пойти и сесть на ящики для белья! – беспечно сказала миссис Мёрри. – Нет, Мег, думаю, в такую ночь даже бродяга по улице шататься не станет.

– Но он же небось за этим и пришел, – уперлась Мег. – Чтобы по улице не шататься!

– Ну что ж, значит, предложу ему переночевать в сарае. – И миссис Мёрри решительно направилась к двери.

– Я с тобой! – вскрикнула Мег.

– Нет, Мег, ты побудь с Чарльзом и доешь свой сэндвич.

– Доешь свой сэндвич! – воскликнула Мег, когда миссис Мёрри скрылась в лаборатории. – Вот как я могу сейчас есть?

– Ничего, мама может о себе позаботиться, – сказал Чарльз. – В смысле постоять за себя.

Однако и сам Чарльз Уоллес, сидя в папином кресле у стола, пинал ногами перекладины – а он, в отличие от большинства малышей, умел сидеть тихо.

Не прошло и минуты – Мег это время показалось вечностью, – как миссис Мёрри вернулась и придержала дверь перед… неужели это и есть бродяга? Мег казалось, что бродяга должен быть намного выше… Определить возраст и пол этого человека было невозможно, потому что он был от макушки до пяток закутан в тряпье. На голове у него было намотано несколько платков всех цветов радуги, а на них нахлобучена мужская шляпа. Поверх грубого пальто был накинут и завязан узлом ядовито-розовый палантин, а на ногах были черные резиновые сапоги.

– Миссис Что, – с подозрением осведомился Чарльз, – что вы тут делаете? И к тому же так поздно?

– Ничего, золотко, не тревожься.

Голос исходил откуда-то из глубин поднятого воротника пальто, палантина, платков и шляпы. Голос звучал как несмазанные ворота, но при этом почему-то не раздражал.

– Миссис… э-э… миссис Что говорит, что заблудилась, – сообщила миссис Мёрри. – Не желаете ли горячего шоколаду, миссис Что?

– Это было бы чудесно! – отвечала миссис Что, снимая шляпу и палантин. – Я не то чтобы заблудилась – меня просто ветром сдуло. Ну а когда я поняла, что меня занесло к дому крошки Чарльза Уоллеса, я решила, что стоит зайти и немного передохнуть, прежде чем отправляться дальше своим путем.

– А откуда вы узнали, что это дом Чарльза Уоллеса? – спросила Мег.

– По запаху!

Миссис Что размотала сине-зеленый платок в «турецких огурцах», красно-желтый шарфик с цветочным узором, золотой набивной шарфик, красно-черную косынку в горошек. Под всем этим обнаружились жидкие седые волосы, завязанные аккуратным узелком на макушке. Глаза у нее были блестящие, нос – круглой мягкой пуговкой, губы морщинистые, как осеннее яблоко.

– Ой, ну надо же, как тут у вас тепло и славно! – сказала она.

– Присаживайтесь, присаживайтесь! – Миссис Мёрри указала на стул. – Не желаете ли сэндвича, миссис Что? У меня с ливерной колбасой и сливочным сыром, у Чарльза – с джемом, у Мег – с салатом и помидором…

– Так-так… – задумалась миссис Что. – Знаете, я обожаю черную икру…

– Да вы же подглядывали! – возмутился Чарльз. – Икра – это маме на день рождения, мы вам ее не дадим!

Миссис Что тяжко, страдальчески вздохнула.

– Нет и нет! – твердо сказал Чарльз. – Не давай ей, мам, а не то я рассержусь! Салат с тунцом будете?

– Ну ладно, давай, – смиренно ответила миссис Что.

– Я все сделаю, – вызвалась Мег и пошла в кладовку за банкой тунца.

«Умереть не встать! – думала она. – Эта бабка вламывается к нам посреди ночи, а мама ведет себя как ни в чем не бывало! На что поспорим, она тоже бродяга? На что поспорим, это она украла простыни? И она уж точно не из тех, с кем стоит водиться Чарльзу Уоллесу – он ведь и с обычными-то людьми не разговаривает!»

– Я не так давно в ваших краях, – говорила миссис Что, когда Мег выключила свет в кладовке и вернулась на кухню с банкой консервов. – Я и не думала, что подружусь с соседями, но тут ко мне завернул малютка Чарльз со своей собачкой.

– Миссис Что, – строго осведомился Чарльз Уоллес, – вы зачем у миссис Банкомб простыни украли?

– Ну, Чарльзушка, мне было очень надо!

– Верните немедленно.

– Не могу, Чарльзушка. Я их уже извела.

– Как же вам не стыдно! – упрекнул Чарльз Уоллес. – Если вам так уж нужны были простыни, могли бы у меня попросить.

Миссис Что покачала головой и хихикнула:

– У вас простыней-то лишних нету. А у миссис Банкомб есть.

Мег накрошила сельдерея и смешала его с тунцом. Поколебавшись, она открыла холодильник и достала банку сладких маринованных корнишонов. «Понятия не имею, почему я так стараюсь ради нее, – думала она, нарезая корнишоны. – Я же ей ни капельки не доверяю!»

– Ты сестре-то скажи, что я хорошая, – обратилась миссис Что к Чарльзу. – Что намерения у меня самые благие.

– «Благими намерениями вымощена дорога в ад», – процитировал Чарльз.

– Ну и ну, какой умница! – умилилась миссис Что. – Как хорошо, что его понимают дома!

– Боюсь, не очень-то его понимают, – сказала миссис Мёрри. – До Чарльза все мы немного недотягиваем.

– Однако же вы и до своего уровня его опустить не пытаетесь! – Миссис Что энергично закивала. – Вы позволяете ему быть самим собой.

– Вот ваш сэндвич! – сказала Мег, протягивая его миссис Что.

– Ничего, если я сапоги сниму, прежде чем его есть? – спросила миссис Что, но сэндвич тем не менее взяла. – Вот, слышите? – Она поболтала ногами в сапогах – внутри явственно хлюпало. – Ноги промочила насквозь! Беда в том, что они мне малость тесноваты, сама я их стащить никак не могу.

– Давайте я помогу! – вызвался Чарльз.

– Нет, ты не сумеешь. Силенок не хватит.

– Давайте я.

Миссис Мёрри присела на корточки у ног миссис Что и потянула за скользкий сапог. Когда сапог наконец снялся, это произошло совершенно неожиданно. Миссис Мёрри с размаху плюхнулась на пол. Миссис Что кувырнулась назад вместе со стулом, высоко вскинув старческую лапку с зажатым в ней сэндвичем. Из сапога хлынула вода и побежала по полу, под большой плетеный половик.

– Охохонюшки! – воскликнула миссис Что, лежа на спине на опрокинутом стуле и болтая ногами в воздухе. На одной был красно-белый полосатый носок, вторая по-прежнему была в сапоге.

Миссис Мёрри поднялась с пола:

– С вами все хорошо, миссис Что?

– Ну, если у вас есть какая-нибудь мазь, чтобы залечить достоинство… – отвечала миссис Что, по-прежнему распростертая на полу. – А то оно слегка пострадало. Немного гвоздичного масла с чесноком пошло бы ему на пользу. – И она откусила изрядный кусок сэндвича.

– Встаньте, пожалуйста, – строго сказал Чарльз. – Нехорошо так валяться. Мне кажется, это уже немного чересчур.

– Попробовал бы ты сам подняться на ноги с уязвленным достоинством!

Однако же миссис Что вскочила, подняла стул, а потом уселась обратно на пол, выставив перед собой ногу в сапоге, и откусила еще сэндвича. Двигалась она весьма проворно для старухи. По крайней мере, Мег была почти уверена, что миссис Что стара, очень стара.

– Ну, снимайте второй, раз уж мне все равно падать некуда! – с набитым ртом сказала миссис Что миссис Мёрри.

Миссис Мёрри абсолютно спокойно, как будто в старухе с ее сапогами не было ничего из ряда вон выходящего, принялась тащить и тянуть, пока второй сапог тоже не снялся. На этой ноге обнаружился носок в серо-голубой ромбик. Миссис Что посидела на полу, шевеля пальцами ног, с удовольствием доела сэндвич, потом встала.

– Уфф, – сказала она, – вот так-то оно лучше!

Взяла оба сапога и вылила их в раковину.

– Червячка заморила, снаружи согрелась, изнутри тоже, пора и восвояси!

– Может, все же переночуете? – спросила миссис Мёрри.

– Ой, милочка, спасибо, но у меня столько дел, столько дел! Некогда рассиживаться.

– Ночь уж больно ветреная.

– Ветреные ночи – моя стихия! – ответила миссис Что. – Меня просто подхватило нисходящим потоком и сдуло с курса.

– Ну хотя бы пока носки не просохнут…

– Ой, мокрые носки мне нипочем! Просто не люблю, когда в сапогах хлюпает. Ты не тревожься обо мне, заинька. – (К миссис Мёрри очень мало кто обращался на «ты». Да и заинькой ее обычно не называли…) – Вот сейчас посижу еще чуток, обуюсь, да и двинусь потихоньку своей дорогой. Кстати, голубушка, насчет дорог – тессеракт действительно существует.

Миссис Мёрри сделалась белее мела, потянулась назад и ухватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

– Что вы сказали? – дрожащим голосом переспросила она.

Миссис Что взялась за второй сапог.

– Я говорю, – пропыхтела она, засовывая в него ногу, – что действительно, – дерг! – существует, – дерг! – такая штука, – дерг! – как тессеракт.

Она наконец-то пропихнула ногу в сапог, сгребла свои шали, платки, шляпу и направилась к двери. Миссис Мёрри застыла столбом, даже не пытаясь проводить гостью. Когда дверь распахнулась, в нее прошмыгнул Фортинбрас, пыхтящий, мокрый и скользкий, как тюлень. Он посмотрел на миссис Мёрри и заскулил.

Дверь захлопнулась.

– Мама, в чем дело?! – воскликнула Мег. – Что она сказала? О чем речь?

– Тессеракт… – прошептала миссис Мёрри. – Что она имела в виду? Откуда она знает?

Глава вторая. Миссис Кто

Когда Мег проснулась от звона будильника, за окном по-прежнему дул ветер, но светило солнце. Буря пронеслась мимо. Девочка села в кровати и потрясла головой, чтобы привести мысли в порядок.

Наверно, это все ей приснилось. Она боялась бури, переживала из-за бродяги – вот ей и приснилось, что она спустилась на кухню и познакомилась с миссис Что и что мама так испугалась и расстроилась из-за этого слова… как же оно? «Тесс»… «тесс» и еще что-то.

Мег торопливо оделась, взяла котенка, который так и спал клубком на кровати, и бесцеремонно скинула его на пол. Котенок зевнул, потянулся, жалобно мяукнул, вышел из комнаты и стал спускаться вниз. Мег убрала постель и побежала следом. На кухне мама жарила французские тосты – это когда хлеб обмакивают в яйцо с молоком. Близнецы уже сидели за столом. Котенок лакал молоко из блюдечка.

– А где Чарльз? – спросила Мег.

– Спит еще. А то ведь мы сегодня ночью засиделись допоздна, если помнишь.

– Я надеялась, что мне приснилось, – сказала Мег.

Мама аккуратно перевернула четыре ломтика тостов и сказала ровным тоном:

– Нет, Мег. Не надейся. Я, как и ты, ничего не понимаю, но я знаю одно: если чего-то не понимаешь, это еще не значит, что этого не существует. Ты извини, что я себе позволила показать при вас, как я взволнована. Мы с папой часто шутили про тессеракт…

– Но что же это такое? – спросила Мег.

– Это такая идея. – Миссис Мёрри протянула близнецам кленовый сироп. – При случае попробую объяснить. Сейчас, перед школой, просто некогда.

– Не понимаю, почему вы нас не разбудили, – сказал Деннис. – Мы все самое интересное проспали, так нечестно!

– Зато на уроках спать не будете, не то что я.

Мег взяла тост и села за стол.

– Да какая разница! – сказал Сэнди. – Мам, если уж пускаешь в дом всяких старых бродяг посреди ночи, позвала бы хотя бы нас с Дэном, чтобы было кому тебя защищать!

– В конце концов, папа бы на нас рассчитывал, – добавил Деннис.

– Нет, мам, мы знаем, что ты очень умная, и все такое, – сказал Сэнди, – но ты не очень-то разумная. А уж Мег с Чарльзом – тем более.

– Ну да, конечно! Мы тупицы, – с горечью заметила Мег.

– Ну вот чего ты такая чокнутая, Мег? Сироп дай, пожалуйста. – Сэнди потянулся через стол. – И вовсе не обязательно все принимать так близко к сердцу. Ради всего святого, придерживайся золотой середины! А то в школе ты только и делаешь, что ушами хлопаешь и пялишься в окно. Совершенно ничего не слушаешь.

– Себе же хуже делаешь, – добавил Деннис. – А уж когда Чарльз Уоллес на будущий год пойдет в школу, ему вообще плохо придется. Нет, мы-то знаем, что он умный-разумный, но он так странно себя ведет и все так привыкли считать его за дурачка, что я не представляю, каково ему будет. Нет, конечно, мы с Сэнди вздуем любого, кто станет к нему цепляться, но больше мы ничего поделать не сможем.

– Давайте не будем переживать насчет будущего года, пока этот еще не кончился, – сказала миссис Мёрри. – Еще тостов, мальчики?

В школе Мег все время чувствовала себя усталой, глаза у нее слипались, мысли путались. На географии у нее спросили основные предметы импорта и экспорта Никарагуа, и хотя накануне вечером она все это добросовестно читала, теперь она ничегошеньки не вспомнила. Учительница что-то съязвила, класс заржал, Мег в ярости плюхнулась на место.

– Да кому они вообще нужны, этот импорт и экспорт, эта Никарагуа! – буркнула она себе под нос.

– Не хами, Маргарет, а то пойдешь за дверь! – пригрозила учительница.

– Ну и пойду! – И Мег выскочила из класса.

Во время самостоятельных занятий ее вызвали к директору.

– Ну, Мег, что на этот раз? – довольно дружелюбно спросил он.

Мег угрюмо смотрела в пол:

– Ничего, мистер Дженкинс.

– Мисс Портер говорит, ты себя вела недопустимо грубо.

Мег пожала плечами.

– Разве ты не понимаешь, что своим поведением только себе же хуже делаешь? – спросил директор. – Послушай, Мег, я не сомневаюсь, что ты вполне можешь справляться с учебой и не отставать от класса, если постараешься, но некоторые из твоих учителей в это не верят. Тебе придется что-то с собой сделать. И за тебя этого не сделает никто.

Мег молчала.

– Ну так что? Что будем делать, Мег?

– Я не знаю, что надо делать, – сказала Мег.

– Ну, для начала – домашнюю работу. Мама тебе помочь не сможет?

– Ну, если я попрошу…

– Мег, у тебя что, какие-то неприятности? Дома что-нибудь не так? – спросил мистер Дженкинс.

Мег наконец посмотрела ему в глаза, поправив очки характерным жестом:

– У меня дома все в порядке!

– Рад слышать. Но я понимаю, тебе, наверно, тяжело без папы.

Мег с опаской смотрела на директора, водя языком по зазубренному краю брекетов.

– О нем ничего не слышно в последнее время?

Мег была уверена, что ей не кажется. Нет, за напускным сочувствием мистера Дженкинса в самом деле скрывалось алчное любопытство! «Ах, ему тоже интересно! – подумала она. – Да если бы я что-то и знала, он был бы последним, кому бы я рассказала! Ну ладно – одним из последних».

Почтальонша-то точно знает, что последнее письмо пришло почти год назад. И неизвестно, скольким она про это разболтала и чего навыдумывала по поводу этого длительного молчания…

Мистер Дженкинс ждал ответа, но Мег только пожала плечами.

– А он чем, вообще, занимался? – спросил мистер Дженкинс. – Наукой какой-то, да?

– Не «занимался», а «занимается», – поправила Мег и оскалилась, продемонстрировав два ряда жутких скобок. – Папа физик.

– Мег, тебе не кажется, что тебе жилось бы намного проще, если бы ты научилась смотреть фактам в лицо?

– А я и смотрю фактам в лицо, – возразила Мег. – И надо вам сказать, иметь дело с фактами куда проще, чем с людьми.

– Тогда почему ты не хочешь смириться с правдой о твоем папе?

– Не трогайте моего папу! – рявкнула Мег.

– Не ори! – резко сказал мистер Дженкинс. – Ты что, хочешь, чтобы тебя вся школа слышала?

– Ну и что? – отпарировала Мег. – Мне не стыдно за то, что я говорю. А вам?

Мистер Дженкинс вздохнул:

– Тебе, видно, нравится быть самой упрямой, самой задиристой из учеников?

Мег пропустила это мимо ушей. Она наклонилась через стол, подавшись ближе к директору:

– Мистер Дженкинс, вы же говорили с моей мамой, да? Ее-то вы не можете обвинить в том, что она не смотрит в лицо фактам? Она ученый. У нее докторская степень по биологии и бактериологии. Она всю жизнь имеет дело с фактами. И вот когда она мне скажет, что папа не вернется, – тогда я поверю. А пока мама говорит, что папа вернется, – я ей верю.

Мистер Дженкинс снова вздохнул:

– Ну да, конечно, Мег, твоей маме хочется верить, что твой отец вернется… Ну что ж, я вижу, с тобой ничего не поделаешь. Возвращайся в комнату для занятий. И постарайся быть не такой строптивой. Может быть, если ты станешь более покладистой, у тебя и учеба лучше пойдет.

Когда Мег пришла из школы, мама была у себя в лаборатории, близнецы ушли на состязания Малой бейсбольной лиги[3 - Объединение детских и юношеских бейсбольных команд США. (Примеч. перев.)], а Чарльз Уоллес, котенок и Фортинбрас ждали ее. Фортинбрас вскочил, поставил лапы ей на плечи и расцеловал, а котенок кинулся к пустому блюдцу и громко замяукал.

– Давай пошли! – сказал Чарльз Уоллес.

– Куда? – спросила Мег. – Чарльз, я есть хочу. Я не хочу никуда идти, пока что-нибудь не съем.

Она еще не до конца пришла в себя после разговора с мистером Дженкинсом, и голос у нее звучал сердито. Чарльз Уоллес задумчиво смотрел на нее. Мег слазила в холодильник и налила котенку молока, а потом сама выпила целую кружку.

Чарльз Уоллес протянул ей бумажный пакет:

– Вот, тут сэндвич, печенье и яблоко. Я думаю, нам стоит повидаться с миссис Что.

– Елки зеленые! – сказала Мег. – Это еще зачем, Чарльз?

– А она тебя все еще пугает, да? – спросил он.

– Ну… да.

– Не бойся. Она хорошая. Честно. Она на нашей стороне.

– А ты-то откуда знаешь?

– Ну, Мег! – раздраженно воскликнул Чарльз Уоллес. – Знаю, и все.

– Ну а зачем нам к ней прямо сейчас-то идти?

– Я хочу побольше разузнать о том, что это за «тессеракт» такой. Ты разве не видела, как мама из-за него разволновалась? Если мама не может держать себя в руках, если не может скрыть от нас, как она взволнована, – значит это что-то очень важное!

Мег немного поразмыслила:

– Ладно, пошли. Только давай Фортинбраса возьмем.

– Возьмем, конечно! Ему надо пробежаться.

Они вышли из дома. Фортинбрас умчался вперед, потом вернулся к ребятам, потом снова ускакал. Мёрри жили милях в четырех от деревни. За домом был сосновый лес. Туда-то Чарльз Уоллес и повел Мег.

– Знаешь, Чарльз, если станет известно, что она – в смысле миссис Что – самовольно поселилась в доме с привидениями, у нее будут большие неприятности! А она к тому же еще и простыни взяла у миссис Банкомб, и вообще… Ее даже в тюрьму посадить могут!

– Это как раз одна из причин, почему я решил к ним сходить. Надо их предупредить.

– «Их»?

– Я же тебе говорил, она там живет с двумя подругами. Я даже не уверен, что это именно миссис Что взяла простыни. Хотя с нее станется.

– Но зачем ей вообще понадобились все эти простыни?

– Я как раз собираюсь у нее спросить, – ответил Чарльз Уоллес, – и еще сказать им, чтобы они были поосторожней. По правде говоря, не думаю, что они кому-то позволят себя найти, но, наверное, стоит упомянуть о такой возможности. Во время каникул некоторые мальчишки туда бегают в поисках острых ощущений, хотя сейчас-то вряд ли туда кто-то пойдет, покуда есть баскетбол и все такое прочее.

Некоторое время они молча шли через душистый сосновый лес, ступая по мягкому ковру порыжелых иголок. Над головой пел в ветвях ветер. Чарльз Уоллес доверчиво сунул ручонку в руку Мег, и этот милый детский жест согрел девочку. Тугой ком в груди начал рассасываться. «Как бы то ни было, а Чарльз меня любит!» – подумала она.

– Опять сегодня плохо было в школе? – спросил он, помолчав.

– Угу. К мистеру Дженкинсу вызывали. Он говорил гадости про папу.

Чарльз Уоллес кивнул с серьезным видом:

– Да, я знаю.

– А ты откуда знаешь?

Чарльз Уоллес покачал головой:

– Не могу объяснить. От тебя знаю.

– Но я же тебе даже ничего не говорю! Ты просто знаешь, и все.

– Все в тебе говорит мне об этом, – сказал Чарльз.

– Ну а близнецы? – спросила Мег. – Про них ты тоже все знаешь?

– Наверно, мог бы, если бы захотел. Если бы им это было нужно. Но это довольно-таки утомительно, так что я концентрируюсь на тебе и маме.

– Ты хочешь сказать, ты читаешь наши мысли?

У Чарльза Уоллеса сделался озабоченный вид.

– Да нет, не думаю, что дело в этом. Это больше похоже на понимание чужого языка – вот как иногда, если очень сильно сосредоточиться, я начинаю понимать, о чем ветер говорит с деревьями. Понимаешь, ты мне об этом

говоришь вроде как не… непреднамеренно. «Непреднамеренно» – хорошее слово, да? Я утром попросил маму найти его в словаре… Нет, надо мне все-таки выучиться читать. Только боюсь, что мне будет очень трудно на будущий год в школе, если я буду слишком много знать. Пожалуй, лучше пусть люди и дальше считают меня не слишком умным. Тогда они будут меньше меня ненавидеть.

Убежавший вперед Фортинбрас громко залаял – тем предупреждающим лаем, которым он обычно сообщал, что по дороге едет машина или что кто-то стоит на крыльце.

– Там кто-то есть! – резко сказал Чарльз Уоллес. – Кто-то ошивается возле дома! Пошли! – И он припустил бегом, отчаянно работая своими коротенькими ножками.

Фортинбрас стоял на краю поляны напротив какого-то мальчишки и яростно лаял.

Когда ребята, задыхаясь, выбежали на поляну, мальчишка сказал:

– Ради всего святого, уберите собаку!

– Это кто? – спросил у Мег Чарльз Уоллес.

– Кальвин О’Киф, – ответила она. – Он тоже в нашей школе учится, но он старше меня. Важная шишка…

– Ну хватит, хватит, приятель. Я тебя не обижу, – сказал мальчик Фортинбрасу.

– Форт, сидеть! – скомандовал Чарльз Уоллес, и Фортинбрас плюхнулся на задние лапы напротив мальчишки. В черной глотке по-прежнему клокотал рык. – Вот так.

Чарльз Уоллес подбоченился:

– Теперь давай рассказывай, что ты тут делаешь!

– Я мог бы спросить о том же самом у вас! – не без возмущения ответил мальчишка. – Вы ведь из семьи Мёрри? Значит, это не ваша собственность?

Он было повернулся, чтобы уйти, но Фортинбрас зарычал громче, и мальчишка застыл.

– Мег, расскажи мне про него, – потребовал Чарльз Уоллес.

– Да я про него почти ничего и не знаю, – сказала Мег. – Он на пару классов старше, играет в баскетбольной команде…

– Это просто потому, что я высокий, – несколько смущенно пояснил Кальвин.

Он действительно был высокий – высокий и тощий. Костлявые запястья торчали из рукавов синего свитера; потертые вельветовые штаны были ему коротки дюйма на три. Его морковно-рыжие волосы давно нуждались в стрижке, и к волосам, разумеется, прилагались веснушки. Глаза у него были синие, такие яркие, что даже удивительно.

– Выкладывай, что ты тут делаешь, – снова сказал Чарльз Уоллес.

– Это что такое? Мы что, в третьем классе, что ли? И вообще, кто из нас тупица, ты или я?

Мег вспыхнула от гнева, но Чарльз Уоллес ответил как ни в чем не бывало:

– Наверно, я. Но если хочешь, чтобы я отозвал собаку, – лучше отвечай.

– Никогда еще не встречал такого удивительного тупицу, – сказал Кальвин. – Ну, я отправился сюда, просто чтобы убраться подальше от своих домашних.

Чарльз Уоллес кивнул:

– А что с ними?

– У них у всех носы сопливые. Я третий в семье из одиннадцати детей. И я уникум.

На это Чарльз Уоллес широко улыбнулся:

– И я тоже.

– Я в плохом смысле, – сказал Кальвин.

– Я тоже.

– Я имею в виду – как в биологии, – недоверчиво произнес Кальвин.

– «Генетические изменения, – процитировал Чарльз Уоллес, – влекут за собой появление потомства с особенностями, не свойственными родителям, которые потенциально могут быть переданы потомству».

– Да что ж такое? – удивился Кальвин. – А я слышал, что ты и говорить-то не умеешь…

– Когда люди думают, что я тупица, это дает им лишний повод чувствовать себя умными, – сказал Чарльз Уоллес. – И кто я такой, чтобы их разочаровывать? Тебе сколько лет, Кэл?

– Четырнадцать.

– А в каком ты классе?

– В одиннадцатом, выпускном. Я очень умный… Слушайте, вас кто-то попросил сегодня сюда прийти?

Чарльз Уоллес взял Форта за ошейник и с подозрением взглянул на Кальвина:

– Что значит «попросил»?

Кальвин пожал плечами:

– Вы мне по-прежнему не доверяете, да?

– Не то чтобы я тебе не доверяю… – сказал Чарльз Уоллес.

– Вы можете мне объяснить, почему вы сюда пришли?

– Мы с Мег просто пошли погулять с Фортом. Мы так часто делаем после обеда.

Кальвин сунул руки в карманы:

– Вы что-то скрываете.

– Ты тоже, – бросил Чарльз Уоллес.

– Ну ладно, уникум, – сказал Кальвин. – Так и быть, рассказываю. Иногда у меня возникает странное чувство. Можно сказать, импульс. Знаешь, что такое «импульс»?

– «Внушение, побуждение, толчок к чему-либо». Не лучшее определение, но так в словаре написано.

– Ладно, ладно! – вздохнул Кальвин. – Постараюсь не забывать, что мое представление о твоем интеллекте основано на предубеждении.

Мег села на колкую траву на опушке. Форт мягко вывернулся из рук Чарльза Уоллеса, подошел к Мег, улегся рядом и положил голову ей на колени.

Кальвин продолжал, из вежливости стараясь обращаться не только к Чарльзу Уоллесу, но и к Мег тоже:

– И когда у меня возникает такое чувство, такой импульс, я всегда делаю то, что оно мне велит. Я не могу объяснить, откуда оно берется и каким образом оно ко мне приходит. Такое случается не слишком часто. Но я его слушаюсь. Так вот, сегодня у меня возникло ощущение, что мне непременно надо пойти в дом с привидениями. Больше я ничего не знаю, мальчик. Я ничего не скрываю. Может быть, дело в том, что мне надо было встретить вас. Представления не имею.

Чарльз Уоллес испытующе посмотрел на Кальвина. Потом глаза у него затуманились, и он как будто бы впал в задумчивость. Кальвин стоял неподвижно и ждал.

Наконец Чарльз Уоллес сказал:

– Хорошо. Я тебе верю. Но я тебе ничего сказать не могу. Пожалуй, я бы предпочел тебе довериться. Возможно, тебе лучше пойти к нам домой и поужинать с нами.

– Ну ладно, хорошо, но только… а что ваша мама скажет? – спросил Кальвин.

– Мама обрадуется. Она у нас хорошая. Не такая, как мы, но хорошая.

– А Мег?

– У Мег все сложно, – сказал Чарльз Уоллес. – Она не то и не другое.

– Что значит «не такая, как мы»? – осведомилась Мег. – Что значит «ни то ни другое»?

– Не сейчас, Мег, – сказал Чарльз Уоллес. – Погоди немного. Я потом все объясню. – Он посмотрел на Кальвина и, похоже, наконец решился. – Ладно, возьмем его с собой к миссис Что. Если с ним что-то не так, она это увидит. – И засеменил на своих коротких ножках к обветшалому дому.

Дом с привидениями стоял в тени купы вязов. Вязы почти совсем облетели, и земля вокруг дома была желтой от влажной листвы. Вечернее солнце в слепых окнах жутковато отсвечивало зеленым. Громыхнула слетевшая с петли ставня. Еще что-то скрипнуло. Неудивительно, что все думают, будто тут водятся призраки!

Парадная дверь была заколочена доской, и Чарльз Уоллес повел их на зады дома. Черный ход с виду тоже был заколочен, но Чарльз Уоллес постучался, и дверь медленно распахнулась наружу, скрипя ржавыми петлями. С одного из вязов хрипло каркнула старая черная ворона, дятел разразился бешеной дробью. За угол дома шмыгнула большая серая крыса, и Мег сдавленно

взвизгнула.

– Они обожают всю эту традиционную бутафорию, – успокаивающе произнес Чарльз Уоллес. – Идемте!

Сильная рука Кальвина подхватила Мег под локоть, Форт прижался к ее ноге. Мег так обрадовалась их поддержке, что позабыла все страхи и вслед за Чарльзом Уоллесом смело вошла в темное нутро дома.

Место, где они очутились, смахивало на кухню. В огромном очаге весело плясало пламя, над огнем висел большой котел. Почему же тогда из трубы не шел дым? В котле что-то булькало, и пахло оно скорее как химикалии миссис Мёрри, чем как еда. В обшарпанном деревянном кресле-качалке восседала низенькая толстушка. Это была не миссис Что – наверное, кто-то из двух ее подруг, решила Мег. На толстушке были огромные очки – вдвое больше и вдвое толще, чем у Мег, – и она деловито шила короткими стежками, проворно втыкая иголку в простыню. Еще несколько простыней валялось на пыльном полу.

Чарльз Уоллес подошел к ней.

– Я все же считаю, что вам не следовало брать простыни миссис Банкомб, не посоветовавшись со мной, – сказал он настолько сердито и властно, насколько так может сказать очень маленький мальчик. – И вообще, зачем они вам?

Толстушка заулыбалась:

– Ой, Чарльзушка, золотце мое! «Le coeur a ses raisons que la raison ne connait point». Это по-французски. Паскаль сказал. «У сердца свой рассудок, который рассудку недоступен».

– Вы поступили неправильно, – сердито сказал Чарльз.

– Твоя матушка именно так бы и подумала.

Сквозь круглые очки как будто сверкнула улыбка.

– Я говорю не о чувствах моей матери по поводу моего отца! – резко возразил Чарльз Уоллес. – Я говорю о простынях миссис Банкомб!

Толстушка вздохнула. Огромные очки снова вспыхнули и засверкали, как совиные глаза.

– Ну разумеется, на случай, если нам потребуются призраки! – сказала она. – Мог бы и сам догадаться. Наша Что решила, что если нам вдруг придется распугивать незваных гостей, надо это делать как следует. Вот чем хорошо жить в доме с привидениями. Но мы, вообще-то, не хотели, чтобы ты знал про простыни. «Auf frischer Tat ertappt». Это по-немецки. «In flagrante delicto». Это латынь. «На месте преступления» по-английски. Как я уже говорила…

Но тут Чарльз Уоллес решительно вскинул руку:

– Миссис Кто, вы знаете этого мальчика?

Кальвин поклонился:

– Добрый вечер, мэм… не расслышал вашего имени.

– Можешь звать меня «миссис Кто», – ответила толстушка. – Чарльзушка, это не я придумала его позвать, но, по-моему, он годится.

– А где миссис Что? – спросил Чарльз.

– Она занята. Время близко, Чарльзушка, время близко. «Ab honesto virum bonum nihil deterret». Это Сенека. «Хорошему человеку ничто не помешает творить благородные дела». А он ведь очень хороший человек, Чарльзушка, светик мой, но вот сейчас ему требуется наша помощь.

– Кому? – осведомилась Мег.

– О, и малютка Мег тоже здесь! Рада встрече, голубка моя. Ну как кому – вашему папе, разумеется. А теперь ступайте домой, мои хорошие. Время еще не приспело. И не тревожьтесь – без вас мы никуда не отправимся. Покушайте как следует, отдохните. Кальвина накормите хорошенько. Ну все, ступайте,

ступайте! «Justitiae soror fides». Это, разумеется, снова латынь. «Вера – сестра справедливости». Доверьтесь нам! Ну, кыш, кыш! – И она вспорхнула с качалки и неожиданно энергично вытолкала их за дверь.

– Чарльз, – сказала Мег, – я ничего не понимаю!

Чарльз схватил ее за руку и потащил прочь от дома. Фортинбрас бежал впереди, Кальвин шел за ними по пятам.

– Ну да, – сказал Чарльз. – Я пока тоже не понимаю. Не совсем понимаю. Я тебе расскажу все, что знаю, как только смогу. Но ведь ты же видела Форта, да? Он на нее ни разу не заворчал. Ухом не повел. Как будто ничего особенного не происходило. Так что сама видишь, все в порядке. Слушайте, будьте так добры, вы оба: давайте не будем это обсуждать, пока не поедим, ладно? Мне позарез нужно заправиться, чтобы во всем разобраться и разложить по полочкам.

– Ну, показывай дорогу, тупица! – весело воскликнул Кальвин. – Я еще никогда не видел вашего дома, и у меня ужасно странное ощущение – как будто я впервые в жизни возвращаюсь домой!

Глава третья. Миссис Ведь

В лесу уже начинало смеркаться. Ребята шли молча. Чарльз с Фортинбрасом убежали вперед. Кальвин шел рядом с Мег, его пальцы слегка касались ее руки, как будто он ее оберегал.

«Это самый немыслимый, самый головокружительный день в моей жизни, – думала она, – однако я больше не чувствую себя ни растерянной, ни расстроенной. Я просто счастлива, и все. Но почему?»

– Может быть, нам было не суждено встретиться раньше, – сказал Кальвин. – Ну то есть я видел тебя в школе, я знаю, кто ты, и все такое, но я тебя совершенно не знал. Но я рад, что мы наконец познакомились, Мег. Мы будем друзьями, знаешь…

– Я тоже рада… – шепотом ответила Мег, и они снова замолчали.

Когда они вернулись домой, миссис Мёрри по-прежнему была в лаборатории. Она смотрела, как бледно-голубая жидкость медленно течет по трубочке из мензурки в реторту. На бунзеновской горелке клокотал большой глиняный горшок с рагу.

– Только Сэнди с Деннисом не говорите, что я здесь готовлю, – попросила мама. – Они и так все время боятся, как бы химикаты не попали в еду. А у меня тут эксперимент, не хотелось надолго отлучаться.

– Мам, это Кальвин О’Киф, – сказала Мег. – На него еды хватит? Пахнет здоровско.

– Здравствуй, Кальвин. – Миссис Мёрри пожала ему руку. – Рада познакомиться. У нас сегодня на ужин только рагу, зато рагу хорошее, наваристое.

– По-моему, отлично, – сказал Кальвин. – Можно, я от вас позвоню, скажу маме, где я?

– Ну конечно! Покажи ему, где телефон, ладно, Мег? Здесь тоже есть телефон, но отсюда я тебе звонить не предлагаю – мне надо эксперимент закончить.

Мег повела Кальвина в дом. Чарльз Уоллес с Фортинбрасом куда-то делись. С улицы доносился стук молотков: Сэнди с Деннисом достраивали деревянную крепость на одном из кленов.

– Сюда!

Мег прошла через кухню в гостиную.

– Не знаю, зачем я ей звоню, когда не прихожу домой, – с горечью заметил Кальвин. – Она ведь даже и не заметит…

Он вздохнул и набрал номер:

– Мам? А, это Хинки… Слушай, передай маме, я вернусь поздно. Только не забудь, ладно? Неохота опять прийти и увидеть, что все заперто…

Он повесил трубку и посмотрел на Мег:

– Ты хоть представляешь, как тебе везет?

Она кривовато улыбнулась:

– Не особо.

– У тебя такая мама! У вас такой дом! А какая у вас мама красивая! Ты бы видела мою. У нее все передние зубы выпали, папа ей протез сделал, а она его носить не хочет. Она даже причесывается не каждый день. А если и причесывается, толку от этого мало. – Он стиснул кулаки. – Но я ее люблю! И это самое странное. Я их всех люблю, а им на меня просто наплевать. Может быть, потому я и звоню, когда не прихожу домой. Потому что мне не все равно. А им всем все равно. Ты просто не представляешь, как тебе везет, что тебя любят!

– Наверно, я об этом никогда не задумывалась… – растерянно сказала Мег. – Просто принимала это как должное…

Кальвин нахмурился – а потом снова просиял:

– Что-то будет, Мег! Что-то хорошее! Я чувствую!

И он принялся бродить, довольно медленно, по уютной, хотя и неприбранной гостиной. Вот он остановился у фортепьяно, на котором стояла фотография – небольшая компания мужчин на пляже:

– А это кто?

– Ученые.

– А где?

Мег подошла поближе:

– На мысе Канаверал. Вот это мой папа.

– Который?

– Вот.

– Тот, что в очках?

– Ну да. Тот, которому не помешало бы постричься. – Мег хихикнула, забыв обо всех печалях, – так приятно было показывать Кальвину эту фотографию! – У папы волосы почти такого же цвета, как и у меня, и он все время забывает пойти постричься. И в конце концов мама обычно стрижет его сама – она нарочно купила ножницы и все прочее, – потому что он никак не может выбрать время сходить в парикмахерскую.

Кальвин разглядывал фотографию.

– Он мне нравится, – поразмыслив, сообщил он. – Они с Чарльзом Уоллесом очень похожи, да?

Мег снова рассмеялась:

– Когда Чарльз был младенцем, он был вылитый папа! Это выглядело ужасно смешно.

Кальвин все смотрел на фотографию:

– Не то чтобы он красивый или что-нибудь… Но он мне нравится.

– Очень даже красивый! – негодующе возразила Мег.

Кальвин покачал головой:

– Не-а. Он высокий и тощий – совсем как я.

– А по-моему, ты красивый! – сказала Мег. – И глаза у тебя похожи на папины. Ну, знаешь, такие, ярко-синие. Только у него это не так заметно, из-за очков.

– А где он сейчас?

Мег напряглась. Но отвечать ей не пришлось, потому что тут хлопнула дверь лаборатории и в кухню вошла миссис Мёрри с горшком рагу.

– Ну вот, – сказала она, – доведу его как полагается, на плите. Мег, ты уроки сделала?

– Не совсем, – ответила Мег, вернувшись на кухню.

– Ну тогда, думаю, Кальвин будет не против, если ты сделаешь их перед ужином?

– Ну конечно!

Кальвин выудил из кармана сложенную стопку бумаги:

– На самом деле, мне тоже кое-какую ерундистику доделать надо. Математику. Вот математику я просто не тяну. Пока имею дело со словами – все нормально, а с цифрами у меня плохо.

Миссис Мёрри улыбнулась:

– Так, может, попросишь Мег тебя подтянуть?

– Слушайте, я же на несколько классов старше!

– А ты все-таки попробуй ее попросить помочь тебе с математикой, – посоветовала миссис Мёрри.

– Ну хорошо, – сказал Кальвин. – Вот. Но там довольно сложно…

Мег разгладила листы и посмотрела на примеры.

– А тут все равно как решать или нет? – спросила она. – Ну, то есть надо решать каким-то определенным способом или можно решать как хочешь?

– Можно как хочешь. Главное, чтобы я понял, что ты делаешь, и чтобы ответы сошлись.

– А нас вот заставляют все делать так, как велено… Смотри сам, Кальвин: разве не видишь, насколько проще все становится, если сделать это вот так?

Ее карандаш забегал по бумаге.

– Ого! – воскликнул Кальвин. – Вот это да! Кажется, я понял… Покажи еще раз, на другом примере.

Карандаш Мег снова пришел в движение.

– Тут главное – запомнить, что любая обыкновенная дробь может быть преобразована в бесконечную периодическую десятичную дробь. Видишь? Так что 3/7 – это 0,428571 в периоде.

– Вот же безумная семейка! – усмехнулся Кальвин. – Наверно, мне пора бы уже перестать удивляться, но ведь в школе считается, что ты тупица, тебя то и дело вызывают к директору.

– Так я и есть тупица.

– У Мег с математикой проблема в том, – вмешалась миссис Мёрри, – что Мег с папой постоянно играли в числа и Мег знает слишком много способов срезать путь. Так что, когда в школе от нее требуют решить задачу непременно длинным способом, она дуется, упирается и сама себя загоняет в угол.

– А много еще у вас таких тупиц, как Мег с Чарльзом? – спросил Кальвин. – Я бы с ними охотно познакомился…

– Если бы у Мег хотя бы почерк был поразборчивей! – вздохнула миссис Мёрри. – Я-то обычно могу расшифровать, что она там пишет, хотя и не без труда, а вот ее учителя вряд ли могут – или дают себе труд это делать. Пожалуй, на Рождество подарю ей пишущую машинку. Может, хоть это поможет.

– Если я хоть что-то сделаю как следует, никто не поверит, что это я, – сказала Мег.

– А что такое «мегапарсек»? – спросил Кальвин.

– Это меня папа так называл, – сказала Мег. – А еще это три и двадцать шесть сотых миллиона световых лет.

– А что такое E=mc

?

– Формула Эйнштейна.

– А что здесь означает E?

– Энергия.

– А m?

– Масса.

– А c

?

– Квадрат скорости света в сантиметрах в секунду.

– С какими странами граничит Перу?

– Понятия не имею. Перу – это где-то в Южной Америке?

– Как называется столица Нью-Йорка?

– Ну как же, Нью-Йорк-Сити!

– А кто написал «Жизнь Сэмюэля Джонсона» Босуэлла?

– Ой, Кальвин, ну вот в литературе я совсем не сильна!

Кальвин застонал и обернулся к миссис Мёрри:

– Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Не хотел бы я ее учить!

– Ну да, согласна, она у нас немного однобокая, – сказала миссис Мёрри. – Но я в этом виню ее отца и себя. И она до сих пор играет в свой кукольный домик.

– Ну, мама! – возопила Мег.

– Ой, радость моя, прости! – поспешно сказала миссис Мёрри. – Но я уверена, что Кальвин понимает, о чем речь.

Кальвин внезапно раскинул руки, как будто желая обнять и Мег, и ее маму, и весь дом сразу:

– Как же так получилось? Разве это не чудо? Я как будто заново родился! Я больше не одинок! Вы понимаете, что это для меня значит?

– Но ты же хорошо играешь в баскетбол, и все такое, – возразила Мег. – И учишься хорошо. И все тебя любят.

– Из-за всяких пустяков, – возразил Кальвин. – У меня раньше не было никого, никого на свете, с кем бы я мог поговорить! Нет, конечно, я могу существовать на общем уровне, как все, я могу опуститься до их уровня, но ведь это же не я!

Мег достала из ящика пучок вилок и вертела их в руках, не сводя с них глаз:

– Что-то я снова совсем запуталась…

– И я тоже! – весело ответил Кальвин. – Но теперь я, по крайней мере, знаю, что нам есть куда идти.

Узнав, что у них ужинает Кальвин, близнецы пришли в восторг. Мег это обрадовало и немного удивило. Они больше ее знали о его спортивных достижениях, и достижения эти восхищали их куда больше, чем ее. Кальвин умял пять тарелок рагу, три блюдца желе и десять печений, а потом Чарльз Уоллес потребовал, чтобы Кальвин отвел его спать и почитал на ночь. Близнецы управились с домашней работой, и им разрешили полчасика посмотреть телевизор. Мег помогла маме помыть посуду, а потом села за стол и принялась воевать с домашним заданием. Но никак не могла сосредоточиться.

– Мам, ты расстроена? – внезапно спросила она.

Миссис Мёрри подняла голову от английского научного журнала, который листала. Она помолчала, а потом ответила:

– Да.

– Почему?

Миссис Мёрри снова ответила не сразу. Она подняла руки и посмотрела на них. Кисти у нее были длинные, сильные и красивые. Миссис Мёрри коснулась правой рукой широкого золотого кольца на безымянном пальце левой.

– Понимаешь, – сказала она наконец, – я ведь еще довольно молодая. Хотя я догадываюсь, что вам, детям, это осознать непросто. И я до сих пор очень люблю вашего папу. Я по нему ужасно скучаю.

– А ты думаешь, что все это имеет какое-то отношение к папе?

– Думаю, да.

– Но какое?

– Этого я не знаю. Но это, похоже, единственное объяснение.

– А ты думаешь, что у всего должно быть объяснение?

– Да. Я верю в то, что все объяснимо. Но я думаю, что мы, люди, существа ограниченные и не всегда способны понять объяснения. Однако видишь ли, Мег, если мы чего-то не понимаем, это еще не значит, что объяснения не существует.

– Мне бы хотелось все понимать, – сказала Мег.

– Всем бы хотелось. Но не всегда это возможно.

– Чарльз Уоллес понимает больше нас, всех остальных, да?

– Да.

– А почему?

– Наверное, потому, что он… Ну, просто потому, что он иной, Мег.

– А в чем именно он иной?

– Я точно не знаю. Но ты ведь и сама знаешь, что он не такой, как все.

– Ну да. Я бы и не хотела, чтобы он был как все! – добавила Мег, словно оправдываясь.

– Тут речь не о том, чего мы хотим. Чарльз Уоллес такой, какой есть. Иной. Новый.

– Новый?

– Да. Так это воспринимаем мы с папой.

Мег так сильно стиснула в руках карандаш, что он сломался. Она рассмеялась:

– Извини! Вообще-то, я не нарочно все ломаю. Я просто пытаюсь разобраться…

– Да, я знаю.

– Но ведь Чарльз Уоллес выглядит обычным ребенком…

– Это правда, Мег. Вот только внешний вид – это еще не все. Чарльз Уоллес отличается от других людей не телом, а духом.

Мег тяжело вздохнула, сняла очки, покрутила их в руках, снова надела:

– Ну да, я знаю, что Чарльз Уоллес не такой, как все, и я понимаю, что он – нечто большее. Видимо, придется просто принять этот факт, не понимая его.

Миссис Мёрри улыбнулась:

– Пожалуй, это именно то, что я хотела до тебя донести.

– Угу… – неуверенно сказала Мег.

Мама снова улыбнулась:

– Может быть, именно поэтому наша вчерашняя гостья меня не удивила. Может быть, именно поэтому я способна… заставить себя поверить в невероятное. Благодаря Чарльзу Уоллесу.

– А ты что, тоже такая, как Чарльз? – спросила Мег.

– Я? Господи, нет, конечно! Мне досталось больше мозгов и способностей, чем многим другим людям, но ничего экстраординарного во мне нет.

– А внешность? – спросила Мег.

Миссис Мёрри рассмеялась:

– Мег, тебе пока просто не с кем сравнивать. На самом деле я довольно обыкновенная.

Тут вошел Кальвин О’Киф, услышал это и рассмеялся.

– Чарльз угомонился? – спросила миссис Мёрри.

– Да.

– Что ты ему читал?

– Книгу Бытие. Он сам попросил. Кстати, миссис Мёрри, а что за эксперимент вы ставили сегодня?

– Ну, кое-что из того, что мы задумали вместе с мужем. Не хотелось бы сильно отстать от него к тому времени, как он вернется.

– Мам, – опять заговорила Мег, – а Чарльз говорит, будто я ни то ни се: ни богу свечка, ни черту кочерга.

– С ума сойти! – сказал Кальвин. – Ты – Мег, и все тут! Пошли лучше погуляем!

Но Мег еще получила не все ответы, которые ей были нужны.

– Ну а о Кальвине ты что думаешь? – спросила она у матери.

Миссис Мёрри рассмеялась:

– Да ничего такого я о нем не думаю! Кальвин очень славный, и я рада, что он нашел дорогу в наш дом.

– Ты хотела мне рассказать про тессеракт.

– Ну да… – Взгляд у миссис Мёрри сделался тревожный. – Но только не сейчас, Мег. Не сейчас. Сходи лучше погуляй с Кальвином. А я пойду поцелую Чарльза и

уложу спать близнецов.

На улице трава была мокрой от росы. Луна на полпути к зениту затмила звезды на полнеба. Кальвин взял Мег за руку. Этот жест был таким же непринужденным и дружеским, как у Чарльза Уоллеса.

– Это из-за тебя твоя мама расстроилась? – мягко спросил он.

– По-моему, нет. Но она расстроилась.

– Из-за чего?

– Из-за папы.

Кальвин повел Мег через лужайку перед домом. Деревья отбрасывали длинные, извилистые тени, воздух был напоен густым и сладким запахом осени. Дорога внезапно пошла под уклон, Мег споткнулась, но сильная рука Кальвина поддержала ее. Они осторожно прошли через огородик, устроенный близнецами, аккуратно переступая через грядки с капустой, свеклой, брокколи и тыквами. Слева вздымались высоченные стебли кукурузы. Впереди был небольшой яблоневый садик, обнесенный невысокой каменной стенкой, а дальше начинался лес, через который они шли днем. Кальвин привел Мег к стенке и уселся на нее. Его рыжие волосы сверкали серебром в лунном свете, сплетение ветвей отбрасывало замысловатые тени на него. Он поднял руку, сорвал яблоко с корявой ветки, протянул его Мег, сорвал еще одно яблоко, для себя.

– Расскажи мне про твоего папу.

– Папа физик.

– Ну да, это-то все знают. А еще говорят, будто он бросил твою маму и сбежал с какой-то дамочкой.

Мег вскочила с камня, на который было присела, но Кальвин поймал ее за руку и усадил обратно:

– Эй, постой! Я ведь не сказал ничего такого, чего ты раньше не слышала, верно?

– Не сказал, – ответила Мег, продолжая вырываться. – Пусти!

– Спокойно, спокойно! Ты же знаешь, что это неправда, и я знаю, что это неправда. И то, что хоть кто-то, увидев твою маму, способен поверить, будто мужчина может бросить ее ради другой женщины, говорит только о том, до чего людей зависть доводит. Правильно?

– Ну да, наверно… – сказала Мег. Но все хорошее настроение развеялось, и она снова ухнула в болото гнева и обиды.

– Послушай, глупенькая, – Кальвин мягко ее встряхнул, – я просто хочу разобраться. Отделить факты от домыслов. Твой папа физик. Это факт, да?

– Да.

– У него ученая степень, даже несколько.

– Да.

– Как правило, он работает один, но какое-то время проработал в Институте высшего образования в Принстоне. Верно?

– Да.

– Потом он работал на правительство, так?

– Да.

– Дальше рассказывай ты. Больше я ничего не знаю.

– Так и я больше почти ничего не знаю, – сказала Мег. – Может, мама знает что-то еще, а я нет. То, чем он занимался… в общем, это то, что называется «засекречено».

– Ты имеешь в виду «совершенно секретно»?

– Да-да.

– И ты представления не имеешь, о чем шла речь?

Мег покачала головой:

– Нет. На самом деле нет. Только догадываюсь – из-за того, где он бывал.

– Ну и где же?

– Некоторое время он работал в Нью-Мексико, мы с ним там жили. А потом во Флориде, на мысе Канаверал, мы с ним тоже там жили. А потом ему предстояло много ездить, поэтому мы поселились тут.

– А этот дом всегда был ваш?

– Да. Но раньше мы сюда только на лето приезжали.

– И ты не знаешь, куда послали твоего папу?

– Нет. Поначалу он нам много писал. Мама с папой всегда ежедневно обменивались письмами. Я думаю, мама и теперь каждую ночь пишет ему письма. Почтальонша время от времени отпускает шуточки по этому поводу.

– Они, наверно, думают, будто она его преследует и все такое, – с горечью заметил Кальвин. – Им и в голову не приходит, что это и есть нормальная настоящая любовь… Ладно, поехали дальше. А потом что случилось?

– Ничего не случилось, – сказала Мег. – В этом-то и проблема.

– А как насчет писем от папы?

– Они просто перестали приходить.

– И вы о нем вообще ничего не слышали?

– Ничего, – сказала Мег глухим, убитым голосом.

Между ними воцарилось молчание, осязаемое, как черные тени деревьев, что падали им на колени. Сейчас эти тени давили на них, будто обрели собственный вес.

Наконец Кальвин спросил сухим, ровным тоном, не глядя на Мег:

– Ты не думаешь, что он погиб?

Мег снова вскочила, и снова Кальвин усадил ее на место.

– Нет! Если бы папа погиб, нам бы сообщили! Телеграмма приходит или что-нибудь. Всегда сообщают!

– А вам что-нибудь сообщили?

Мег сглотнула, сдерживая слезы, и выдавила:

– Ну, Кальвин, мама же пыталась выяснить! Она и в Вашингтон ездила, и все такое. И ей сказали только, что папе поручена секретная и опасная миссия и что мама может им гордиться, но он… пока не имеет возможности с нами связаться. И что как только что-нибудь станет известно, нам сразу сообщат.

– Мег, ты только не злись. А ты не думаешь, что они и сами ничего не знают?

По щеке у Мег поползла слеза.

– Ну да, этого я и боюсь…

– Почему же ты не плачешь? – мягко спросил Кальвин. – Ты же с ума сходишь из-за папы, верно? Так поплачь. Тебе станет легче.

Мег ответила голосом, дрожащим от слез:

– Я и так слишком много реву. Надо быть как мама. Надо держать себя в руках.

– Твоя мама – совершенно другой человек. И она намного старше.

– Я бы тоже хотела быть другим человеком! – срывающимся голосом сказала Мег. – Я себя ненавижу!

Кальвин снял с нее очки, достал из кармана носовой платок и вытер ей слезы. От этого заботливого жеста Мег совсем расклеилась. Она уткнулась головой в коленки и разрыдалась. Кальвин молча сидел рядом и только время от времени гладил ее по голове.

– Извини, – всхлипнула она наконец. – Извини, пожалуйста. Ну вот, теперь и ты меня ненавидишь!

– Ой, Мег, ну ты и правда тупая! – сказал Кальвин. – Да встреча с тобой – самое лучшее, что со мной случилось за много-много времени.

Мег подняла голову, и лунный свет озарил ее мокрое от слез лицо. Без очков ее глаза сделались на удивление красивыми.

– Если Чарльз Уоллес – уникум, то я, наверно, вообще ошибка природы.

Когда она заговорила, в свете луны сверкнули скобки у нее на зубах.

Она ждала, что Кальвин ей возразит, но он вместо этого сказал:

– Ты знаешь, а ведь я впервые вижу тебя без очков.

– Без очков я слепа, как крот. У меня близорукость, как и у папы.

– Так вот, знаешь, у тебя не глаза, а мечта, – сказал Кальвин. – Слушай, ты только не вздумай перестать носить очки. Мне, пожалуй, не хочется, чтобы еще кто-то знал, какие у тебя глаза удивительные.

Мег расплылась в улыбке и почувствовала, что краснеет. Интересно, при лунном свете видно, что она покраснела, или нет?

– Так, вы двое, стоять! – раздался голос из темноты. И из тени на свет луны выступил Чарльз Уоллес.

– Я не подслушивал, – поспешно сказал он, – и мне неохота вам мешать, но пора, ребята, пора!

Голос у него дрожал от возбуждения.

– Куда пора? – спросил Кальвин.

– Мы отправляемся!

– Отправляемся? Куда? – Мег машинально нащупала и сжала руку Кальвина.

– Я точно не знаю, – сказал Чарльз Уоллес. – Но думаю, что искать папу.

И внезапно из темноты на них уставились два огромных глаза. Это сверкнули в лунном свете очки миссис Кто. Она стояла рядом с Чарльзом Уоллесом. Как она ухитрилась объявиться там, где секунду назад никого не было, только неверные лунные тени, – Мег понятия не имела. Она услыхала за спиной какой-то шум и обернулась. Это карабкалась через стенку миссис Что.

– Господи, хоть бы ветер улегся! – жалобно сказала миссис Что. – Так тяжело во всех этих одежках!

Она была одета точно так же, как накануне: в резиновые сапоги и все остальное, да еще и в одну из простыней миссис Банкомб закуталась. Когда миссис Что сползла со стенки, простыня зацепилась за нижнюю ветку и съехала. Шляпа немедленно соскользнула ей на глаза, а другая ветка поймала розовый палантин.

– Боже ж ты мой! – охнула старушка. – Нет, я к этому никогда не приспособлюсь!

Миссис Кто засеменила в ее сторону, едва касаясь земли крохотными ножками и сверкая линзами очков:

– «Come t’? picciol fallo amaro morso!» Это Данте: «Тебе и малый грех – укол жестокий!»

Рукой, похожей на птичью лапку, она поправила шляпу на миссис Что, отцепила от дерева палантин, ловко подхватила простыню и сложила ее.

– Ой, спасибо! – воскликнула миссис Что. – Экая ты сноровистая!

– «Un asno viejo sabe mas que un potro». Это Антонио Перес: «Старый осел знает больше жеребенка».

– Если ты на каких-то несколько миллиардов лет… – негодующе начала миссис Что, но тут ее перебил резкий незнакомый голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Дюйм – примерно 2,5 сантиметра, то есть ноги Чарльза Уоллеса не доставали до пола сантиметров пятнадцать. (Примеч. ред.)

2

1 фунт – примерно 450 граммов, то есть мальчик был тяжелее примерно на 11 килограммов. (Примеч. ред.)

3

Объединение детских и юношеских бейсбольных команд США. (Примеч. перев.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/l-engl_madlen/izlom-vremeni

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить